

Н О Б Е Л Е В С К И Е
Л А У Р Е А Т Ы

ПЕТЕР
ХАНДКЕ

ВТОРОЙ
МЕЧ

МАЙСКАЯ ИСТОРИЯ

INSPIRIA

МОСКВА

2021

УДК821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
X19

Peter Handke
DAS ZWEITE SCHWERT. EINE MAIGESCHICHTE

Copyright © Suhrkamp Verlag Berlin 2020
All rights reserved by and controlled through Suhrkamp
Verlag Berlin.

Перевод с немецкого *Анны Кукес*

Художественное оформление и разработка серии
Виктории Лебедевой

Хандке, Петер.
X19 Второй меч / Петер Хандке ; [перевод с немецкого А. Кукес]. — Москва : Эксмо, 2021. — 192 с.

ISBN 978-5-04-117539-9

«Второй меч» — последнее на данный момент произведение Хандке, написанное сразу после получения писателем Нобелевской премии.

Громко и ясно звучит голос Хандке, и в многочисленных метафорах, едва уловимых аллюзиях угадываются отголоски мыслей и настроений автора. Что есть несправедливость и что есть месть? И в чем настоящая важность историй?

«Второй меч» — книга, как это часто бывает у Хандке, о духовном путешествии и бесконечном созерцании окружающего мира. В каждой детали Хандке отыщет поэзию, которую сложно представить. Даже самые обычные улицы Парижа, даже стук трамвайных колес на его страницах заиграют новыми, яркими красками.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-117539-9

© Кукес А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

*Посвящается
Раймунду Феллингеру*

Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч;

Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно.

Лк. 22:36-38

1.
ЗАПОЗДАЛАЯ
МЕСТЬ

«Так это и есть, значит, лицо мстителя!» — сказал я себе, когда в то самое утро, прежде чем отправиться в путь, глядел на себя в зеркало. Эта фраза вышла у меня совершенно беззвучно, однако же я ее четко артикулировал; я шевелил губами, выговаривая ее, исключительно четко шевелил, как будто считывал ее с моего зеркала, чтобы заучить наизусть раз и навсегда.

Подобного рода разговоры с самим собой, которые я, впрочем, так или иначе — и началось это далеко не в последние годы — иногда дни напролет вел в одиночестве, я в этот момент ощутил как нечто уникальное, только мое личное да и вообще неслыханное, в любом смысле.

Так говорило и появлялось существо человеческое, которое собиралось после долгих лет колебаний, отсрочек, а порой и забвения выйти из дома и осуществить наконец свою месть; давно пора было, пусть, может быть, на свой страх и риск, однако же, как ни крути, в интересах мира и во имя мирового закона или заодно просто — почему «просто?» — дабы припугнуть и, следовательно, разбудить общественность. Какую? Да как раз ту самую.

Вот что странно: пока я разглядывал себя в зеркале, «мстителя» в образе воплощенного покоя и высшей инстанции над всеми остальными инстанциями, — с час прямо-таки изучал, особенно оба моих глаза, у которых ни единая ресница не дрогнула, — мне разом стало тяжело на сердце, до боли, и меня погнало прочь от зеркала, прочь из дома, за калитку.

Эти мои привычные разговоры с самим собой бывали всякий раз многословны, однако при этом не только беззвучны, но

иногда и совершенно бессодержательны и для других — как мне казалось — незаметны. Либо я выкрикивал их из себя, один в доме и вместе с тем — опять же, в моем воображении — один в открытом поле, от радости, от злости, как правило, без слов, один только крик, внезапный вопль. Как мститель, однако, я теперь открывал, округлял, расправлял, растягивал рот, распахивал его, оставаясь немым, следуя четкому, давно сформировавшемуся, не мной лично придуманному ритуалу, который со временем превратился в определенную ритмику перед зеркалом. Сперва появился ритм, из него теперь образовались звуки. Из меня, мстителя, исторглось пение, монотонное гудение, незамысловатая мелодия, без слов, угрожающая. От этого сердце и заболело.

«Хватит петь!» — крикнул я своему отражению. И оно тут же послушалось и прекратило свое вытье, но сердце заныло вдвое горше. Потому что теперь назад дороги нет. «Наконец-то!» (*Опять крик*).

Вперед, мститель, отправляйся в свой поход, один, единолично. Первый раз, лет десять назад, я утром принимал ванну — обычно-то я просто мылся под душем, — влез затем, одна нога за другой и одна рука за другой, как положено, в темно-серый, заранее аккуратно разложенный на кровати, вместе с собственноручно поглаженной белой рубашкой, костюм от «Диор». У рубашки на поясе справа вышита жирно-черная бабочка, которую я оставил на виду на палец над ремнем. Дорожную сумку, которая сама по себе тяжелее, чем ее содержимое, забросил на плечо и пошел из дома, не заперев двери, по старой привычке не запирает дом, даже если отлучался надолго.

Между тем я всего три дня назад вернулся в мое родное предместье к юго-западу от Парижа после нескольких недель бродяжничества в северной глубинке. И впервые меня потянуло домой, меня, который, после того как безвременно окончилось, чтобы не сказать резко оборвалось, мое детство, страшился любого возвращения домой или,

того хуже, — на место своего рождения (да что там, замирал от ужаса — сжатие в теле вплоть до самой последней кишки со всеми отростками) — особенно возвращения туда.

И в эти два-три дня после моего позднего, но все-таки впервые в жизни не «счастливого» (держись от меня подальше, такое счастье!), скорее даже гармоничного возвращения домой я как-то прочно осознал, что вот я на своем месте, раз и навсегда. Ничто больше не поставит под сомнение мою принадлежность и привязанность к этому месту. Это была радость этому месту, неуклонная, растущая днем (и ночью) радость, и она, не то что почти три десятилетия назад, не ограничивалась домом и садом, не зависела никоим образом ни от того ни от другого, я просто радовался этому месту. «В какой степени месту? Месту в целом? Или месту особенно?» — «Этому месту».

Моей неожиданной месторадости, а впоследствии чуть ли не местоблагоговению (или, если угодно, моему запоздалому ме-